

ЗАПИСКИ
ВОСТОЧНАГО ОТДѢЛЕНІЯ
РУССКАГО АРХЕОЛОГИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА

Основаны **В. Р. Розеномъ.**

ТОМЪ ДВАДЦАТЬ ПЯТЫЙ.
1917—1920.

ПЕТЕРБУРГЪ
ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО

1921

По поводу Макинской надписи Русы, сына Аргиштиа¹.

Время начертания нашей надписи легко опредѣляется временемъ царствованія упоминаемаго въ ней ванскаго правителя. Если это былъ Руса II, то памятникъ датируется серединою VII вѣка до Р. Х., такъ какъ Русу II обычно отождествляютъ съ тѣмъ Русою, о которомъ говорятъ Ассурбанипалъ, принявшій его посольство послѣ разгрома Элама, имѣвшаго мѣсто около 655 года. Но Руса II, современникъ Ассурбанипала, называетъ себя сыномъ Эрмена², тогда какъ авторъ изслѣдуемой надписи именуется своимъ отцомъ Аргиштию. Въ текстѣ Макинской надписи имя Русы сопровождается поясненіемъ «|→||| | =| *| Δ ∇ ∇ * Ar-gi-sh-te-qi-ni-she, то есть тѣми же самыми знаками, которые на другихъ ванскихъ надписяхъ, напримѣръ Атамханской, поставлены послѣ имени царя Сардура³. Слѣдовательно Руса Макинской надписи не тождествененъ съ Русою II, а представляетъ собою другого ванскаго правителя и, повидимому, брата Сардура II, значить дядю его сына Русы I, и въ такомъ случаѣ давность памятника отодвигается вглубь на цѣлое столѣтіе, ко временамъ, примѣрно, ассирійскаго Саргона; самая хронологическая послѣдовательность ванскихъ Русъ мѣняется на еди-

¹ Текстъ Макинской надписи опубликованъ въ 1912 году Саусеомъ въ JRAS (The Journal of the Royal Asiatic Society of Great Britain and Ireland), въ статьѣ подъ заглавіемъ A new Vannic Inscription, и нынѣ подробно съ лингвистическими объясненіями разбирается П. Я. Марромъ въ настоящемъ томѣ ЗВО, въ особомъ изслѣдованіи «Надпись Русы II изъ Маку». Помѣщаемая здѣсь моя записка была доложена 27 апрѣля 1920 г. въ засѣданіи Разряда археологии Кавказа и этническаго міра Россійской Академіи Исторіи Матеріальной Культуры.

² Мат. по Арх. Кав., вып. V, стр. 69, Армавирская надпись, и тамъ же, на стр. 122, статьи «Кѣланы - Кирланы».

³ Ц. с., Атамханская надпись, стр. 115, стк. 2.

Записки Вост. Отд. Русск. Арх. Общ. Т. XXV.

ницу, причѣмъ современникъ Ассурбанипала обратится уже въ Руеу III, такъ какъ до него царствовало въ Ванѣ не менѣе двухъ Русъ¹.

Такая пережѣна въ общепризнаваемой до сего времени хронологіи ванскихъ правителей отразится и на опредѣленіи времени нѣкоторыхъ другихъ халдскихъ памятниковъ, потому что не одна только Макинская надпись принадлежитъ Русѣ, сыну Аргиштія; ему же принадлежитъ, напримѣръ, надпись церкви Зовартпоцъ², давность которой отодвинется также на столѣтіе.

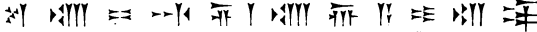

Измѣненіе въ датировкѣ памятника, и тѣмъ болѣе письменнаго, можетъ имѣть существенное значеніе. Клинопись, при ея чтеніи, возбуждаетъ многія сомнѣнія, и постоянно приходится прибѣгать къ сравненію съ другими надписями для уясненія смысла изучаемой. Между тѣмъ такой промежутокъ времени, какъ столѣтіе, могъ отразиться на составѣ словъ и даже на грамматикѣ. Живая рѣчь мѣняется внутренними переживаніями и внѣшними замѣстованиями: въ частности и въ нашемъ памятникѣ встрѣчается знакъ, до сего времени не попадавшійся въ халдской клинописи, но сходный съ ассирійскою. Тѣмъ осторожнѣе нужно быть при параллельномъ изученіи нѣсколькихъ текстовъ, обращая больше вниманія на тексты имъ современные. Поэтому надписи Русы, сына Эрмена, уже не могутъ служить главнѣйшимъ матеріаломъ для объясненія Макинской, и отойдутъ на второе мѣсто, предоставивъ первое текстамъ Аргиштія и его сыновей, Русы и Сардура II. Это въ особенности отразится на послѣдующемъ толкованіи термина *uḡi*, неяснаго въ Макинской надписи, но въ значительной мѣрѣ объясняемаго сравненіемъ съ текстомъ Сардарабадской, и такое сравненіе будетъ еще обоснованнѣе, если мы въ авторѣ послѣдняго памятника, царѣ Аргиштія, признаемъ отца упоминаемаго въ Макинской надписи Русы. Вместе съ тѣмъ для уясненія текста желательно обратить вниманіе на всякія подробности, хотя бы, на первый взглядъ, и не существенныя; между прочимъ, можетъ имѣть значеніе указаніе на обнаруженіе Макинской надписи при постройкѣ моста, очевидно вблизи рѣки, и на обнаруженіе ея въ развалинахъ древняго города въ предѣлахъ Макинскаго ханства, а не въ царской резиденціи Тушпѣ (Ванѣ)³.

¹ По халдскимъ клинописямъ удастся прослѣдить династію царей Вана въ послѣдовательномъ порядкѣ отъ отца къ сыну, а именно: Лутипри, Сардуръ (около 830 г.), Ишпуини, Менуа, Аргиштій, Сардуръ (около 745 г.), Руса (около 715 г.). Засимъ, послѣ нѣкотораго перерыва, слѣдуютъ: Эрменъ, Руса (около 655 г.), Сардуръ (около 645 г.). Упоминается еще одинъ Аргиштій (около 710 г.). Очевидно имъ заполняется, можетъ быть и не всецѣло, указанный перерывъ, поэтому М. В. Никольскій считаетъ его сыномъ Русы. Въ этотъ перечень влѣзть можно еще нашего Русу, помѣстивъ его рядомъ со вторымъ Сардуромъ. Такимъ образомъ въ приведенномъ, можетъ быть еще не полномъ, спискѣ попадаются два Аргиштія, три Сардура и три Русы. Ср. М. В. Никольскій въ Древ. Вост., т. I, вып. 3.

² В. С. Голеннищевъ — «Надпись древне ванскаго царя Русы II», лъ ЗВО, т. XIII, стр. 086.

³ Н. Я. Марръ — «Надпись Русы II изъ Маку», стр. 1-3.

Въ Макинской надписи Руса выступають въ обликѣ мирнаго правителя, сооружающаго храмъ для прославленія боговъ и себл. Онъ упоминаетъ въ текстѣ лишь существа высшаго порядка: божественную троицу, включающую національнаго бога Халда, засимъ иноземнаго, но акклиматизировавшагося, по словообразованію родственнаго Эламу, бога Тешбу «владыку вишала» - «царь-рыбу» и бога Солнце (Ардини или Арди). Къ нимъ присоединяются другіе боги безъ особаго поименнаго ихъ перечисленія, просто «боги многіе», а потомъ самъ царь. Для этихъ высокиихъ особъ сооруженъ въ Макинскомъ ханствѣ храмъ, увѣковѣченный сохранившеюся надписью. Такой характеръ текста въ значительной мѣрѣ объясняетъ многія его особенности и подтверждаетъ, такъ сказать, наличие культурныхъ заданій въ работѣ ванскихъ правителей. Исслѣдователь халдскихъ клинописныхъ памятниковъ М. В. Никольскій пришелъ къ заключенію, что Аргиштій направлялъ всю свою энергію на исполненіе самыхъ неотложныхъ въ политическомъ и стратегическомъ отношеніяхъ предпріятій; онъ, Аргиштій, не нашелъ времени и силъ для сооруженія храмовъ, что осталось на долю его «преемника»¹. Ознакомившись съ Макинской надписью, мы можемъ сказать, что созидательная «культурная» дѣятельность выпала на долю его ближайшихъ «преемниковъ», потому что и Руса, сынъ Аргиштія, занимался сооруженіемъ не однихъ только, важныхъ въ стратегическомъ отношеніи, построекъ. Такимъ образомъ, Макинская надпись принадлежитъ къ числу древнѣйшихъ изъ открытыхъ до сего времени ванскихъ письменъ, указывающихъ на мирную культурно-культовую работу, и въ этомъ ея особая цѣнность.

Въ Макинской надписи останавливается на себѣ особое вниманіе седьмая строка . Въ концѣ строки стоятъ различно толкуемый и впервые встрѣчающійся въ халдскихъ клинописяхъ знакъ . Н. Я. Марръ допускаетъ двоякое его объясненіе, въ зависимости отъ чего и приводитъ двойной переводъ этого мѣста. По одному толкованію, знакъ могъ образоваться изъ соединенія двухъ знаковъ: одного , означающаго ра, и другого , означающаго 1. Если первый изъ нихъ положить на второй, то и получится помѣщенное въ подлинникѣ сложное начертаніе. Въ этомъ случаѣ идеографическое выраженіе будетъ означать ра + 1 или ра - 1, поставленное подъ титломъ, которое раскрывается полнымъ словомъ ра - tar - 1, что значитъ «городъ». По второму толкованію, болѣе простому и потому легче приемлемому, знакъ не представляетъ собою никакого условнаго сокращенія,

¹ Мат. по Арх. Кав., в. V, стр. 60-61.

а является совершенно особымъ начертаніемъ, встрѣчающимся въ ассирійской клинописи именно въ этомъ самомъ видѣ и въ значеніи tur «малый». Последнее толкованіе легче подходит къ тексту Макинской надписи, тѣмъ болѣе, что tur не ассирійское природное слово, а иноземное, яфетическое, попавшее въ ассирійскую клинопись, повидному, путемъ заимствованія. И самъ Н. Я. Марръ предлагаетъ первое толкованіе «съ большою нерѣшительностью».

Если мы остановимся на второмъ толкованіи и будемъ понимать знакъ въ буквальномъ его смыслѣ по ассирійскому силлабарію, то послѣдніи два слова получаютъ ясный переводъ   то есть urbs tur, что значить «городъ малый».

Какъ интересную особенность, соединяющую оба толкованія, можно отметить общность понятія, выражаемаго словами, съ одной стороны, tur и pataḡa, съ другой стороны urbs и pataḡi. Дѣло въ томъ, что отъ яфетическаго корня pṭr имѣется грузинское pataḡ-a, «малый» — «маленькій», равнозначущее яфетическому слову ассирійской рѣчи tur «малый». Въ то же время въ халдской клинописи встрѣчается свое pataḡi, до сего времени понимаемое всѣми халдовѣдами въ значеніи «города», равнозначущее не родственному начертанію urbs¹. Такимъ образомъ tur и pataḡi въ общемъ объемѣ яфетической рѣчи имѣютъ внутреннюю связь: pataḡa соединяется съ tur, а pataḡi, при данномъ его толкованіи, соединяется съ идеограммою urbs. Впрочемъ эта интересная подробность не отражается, ни какъжется, на Макинской надписи, такъ какъ все же въ конечномъ своемъ значеніи халдской рѣчи оба слова различны по смыслу: «городъ» и «малый» означаютъ собою два совершенно различныхъ понятія. Къ тому же, толкованіе знака какъ попытки, не встрѣчающейся въ другихъ надписяхъ, идеографически представить звуковой составъ слова «городъ» (pataḡi) осложняется еще тѣмъ, что передъ нимъ стоитъ вполне ясное начертаніе , несомнѣнно выражающее идеограмму именно «города», и тогда у насъ получится натянутый переводъ, состоящій изъ повторенія двухъ сходныхъ словъ «городъ городъ». Кроме того, идеограмма, означающая «городъ», и послѣднее слово седьмой строки, въ случаѣ его чтенія въ томъ же значеніи «города» pataḡi, даютъ неправильное построеніе фразы, не соответствующее тому, которое имѣется въ концѣ надписи на шестнадцатой строкѣ, гдѣ находимъ ясный образецъ размѣщенія словъ въ сочетаніи съ наименованіемъ города. Тамъ мы встрѣчаемся совсѣмъ съ другою расстановкою, а именно названіе города стоитъ не передъ двумя одинаковыми знаками а между

¹ Н. Я. Марръ — «Надпись Русы II изъ Маку», стр. 8-9.

ними и значится «¹городъ Тушпа ¹городъ», то есть «Тушпа — градъ» «Тушпа — градъ»), 𐎲𐎶𐎵𐎺𐎠𐎹 𐎶𐎵𐎺𐎠𐎹 𐎶𐎵𐎺𐎠𐎹 𐎶𐎵𐎺𐎠𐎹 𐎶𐎵𐎺𐎠𐎹 а не «Тушпа ¹городъ ¹городъ».

Въ другихъ памятникахъ попадаются едвичныя идеограммы, стоящія передъ названіемъ города, какъ это мы видимъ въ Ганлиджинской и Даш-Керпинской надписяхъ¹; встрѣчается и слово *raṭarī* послѣ имени города, какъ это сдѣлано въ надписяхъ Мелазгердской и Зовартноцкой, но два одинаковыхъ по смыслу термина должны были бы раздѣляться собственнымъ именемъ такъ же, какъ двѣ идеограммы 𐎶𐎵𐎺 разъединились названіемъ города Тушпы. Между прочимъ, въ надписяхъ Зовартноцкой и Мелазгердской помѣщена именно такая разстановка словъ съ *raṭarī* на концѣ и детерминативомъ впереди, а въ серединѣ название: *urbš Tu-uš-ṛa-e ra-ta-ṛī*².

Къ изложенному рѣшаюсь присоединить и свои сомнѣнія относительно правильности перевода *raṭarī* словомъ «городъ». Нѣкоторая моя нерѣшительность вызвана стойкостью специалистовъ, не сомнѣвающихъ въ правильности такого перевода. Но сомнѣнія мои заключаются въ томъ, что слово *ra-ta-ṛī* попадаетъ въ очень немногихъ надписяхъ и В. С. Голенищевъ, разбирая въ 1900 году Зовартноцкую надпись³, нашелъ такое слово только въ изданной Шейлемъ Мелазгердской надписи⁴, изслѣдованной затѣмъ въ 1910 году М. В. Никольскимъ⁵, при чемъ оба, и В. С. Голенищевъ и М. В. Никольскій, читаютъ клинописные знаки какъ *ra-ta-ṛī* и переводятъ ихъ словомъ «городъ». Шейль употребилъ въ переводѣ то же самое слово «городъ», но клинописные знаки растолковалъ иначе: первый знакъ *ra* онъ отбросилъ, а второй прочелъ невѣрно. Въ итогѣ получилось *ṭur-ṛī* или *uš-ṛī*. Шейлю хотѣлось на этомъ мѣстѣ видѣть терминъ, равнозначущій идеограммѣ *urbš*: его онъ и перевелъ. Между тѣмъ, у насъ имѣется другой принципъ толкованія, это — лингвистическій анализъ. Слѣдуетъ имѣть въ виду, что въ Зовартноцкой надписи, такъ же какъ и въ Мелазгердской, *ra-ta-ṛī* стоятъ послѣ *Tu-uš-ṛa-e*, передъ которымъ поста-

¹ Ганлиджинскую надпись см. Мат. по Арх. Кав., в. V, стр. 89; Даш-Керпинскую см. Н. Я. Марръ — «Надпись Сардура II въ Даш-Керпи», Зап. Кав. Муз. 1919 г., стр. 28.

² М. В. Никольскій — «Клинообразная надпись изъ Мелазгерда», ЗКО, т. VI, стр. 182-184; Н. Я. Марръ — «Материалы по халдской эпиграфикѣ изъ команд. I. А. Орбелі въ Турецкую Арменію», ЗВО, т. XXIV, стр. 100, 101 и 111; А. Н. Саусс — «The cuneiform inscriptions of Van», p. 483, 519.

³ В. С. Голенищевъ — «Надпись древне ванскаго царя Русы II», въ ЗВО, т. XIII, стр. 036.

⁴ Scheil — «Inscription vanique de Mélasgert», въ Recueil de Travaux relatifs à la Philologie et à l'Archéologie égyptienne et assyrienne, за 1896 г.

⁵ ЗКО, т. VI — «Клинообразная надпись изъ Мелазгерда».

вленъ обычный знакъ $\gg\|\|$, и если здѣсь *pa-ta-ri* имѣеть дѣйствительно тождественное съ идеограммою значеніе, то по общей системѣ халдской клипописи непонятно, почему авторъ текста измѣнилъ принятому стилю, поставивъ рѣдко встрѣчающееся слово вмѣсто характерной идеограммы, сказавъ *urbs Tu-ush-ra-e pa-ta-ri*, вмѣсто *urbs Tu-ush-ra-e urbs*.

Возникаетъ вопросъ: не скрывается ли въ этомъ рѣдкомъ для халдской клипописи словѣ тотъ же самый яфетическій терминъ, который у яфетическихъ народовъ образованъ отъ корня *ptr* въ значеніи «малый»? Тогда и самое слово халдскихъ надписей *pa-ta-ri*, въ общемъ яфетическомъ его смыслѣ, могло бы въ Зовартноцкой надписи имѣть такое же значеніе какъ грузинское *patar-a*, армянское *բար*, отгбняя текстъ надписи *urbs Tu-ush-ra-e pa-ta-ri*, означающій «городъ Тушна малый», можетъ быть даже совсѣмъ другой городъ, названный такъ въ отличіе отъ столицы. Въ такомъ случаѣ, переводъ знака $\gg\|\|$ въ Макинской надписи терминомъ *tur* совпадетъ съ болѣе сложнымъ объясненіемъ спорнаго знака сочетаніемъ *pa-i* подъ титломъ.

Допустимость подобнаго толкованія подтверждается, имѣ кажется, тѣмъ, что общепринятый переводъ термина *patari* все же представляется предположительнымъ и М. В. Никольскій, разбирая текстъ надписи изъ Мелазгерда и ссылаясь лишь на четыре памятника, а именно на упомянутую выше Зовартноцкую надпись и еще на три другія надписи, найденныя Белькомъ и Леманномъ въ Турецкой Арменіи, находитъ значеніе этого термина «въ смыслѣ города наиболѣе подходящимъ»¹. При такихъ условіяхъ, казалось бы вполне возможнымъ не придерживаться объясненій халдовѣдовъ и въ переводѣ слова *patari* предпочесть обоснованное на лингвистическихъ фактахъ чисто яфетидологическое толкованіе, тѣмъ болѣе, что разсужденія Шейля о необходимости присвоенія ошибочно прочтенному имъ слову *durri* именно значенія «городъ» въ виду того, что *durri* (*patari*) поставлено за именемъ города, замѣняя идеограмму *urbs*, будто бы всегда слѣдующую за этимъ именемъ, не точно: помѣщеніе двухъ идеограммъ, одной впереди, а другой послѣ наименованія города, не обязательно (Ганлиджинская и Даш-Керпинская надписи). Интересно тутъ же замѣтить, что въ Ганлиджинской надписи, послѣ словъ *urbs Ir-da-ni-u-ni*, стоятъ созвучное *pa-ta-ri* слово *pa-ri*, переводимое М. В. Никольскимъ «отъ» и не связываемое съ самымъ названіемъ города.

Остановившись на приведенномъ толкованіи *urbs tur*, буквально «городъ малый», обратимся къ предшествующимъ словамъ, помѣщеннымъ въ началѣ

¹ Тамъ же.

седьмой строки, te-ru-bi ti-ni . Первое из них, te-ru-bi сомнительно не возбуждает: это глагольная форма в первом лице «я довел до конца» «я докончил»; второе, ti-ni различно, как производное от глагола t «говорить», в данном случае «называемый» (called), или как образованное от существительного te || ti «голова», в значении притяжательного местоимения «свой», здесь «к себе». Первого объяснения придерживается Сэйс¹, ко второму объяснению склоняется Н. Я. Марр при толковании этого слова в данном контексте².

Для уяснения смысла этого знака может иметь значение то, что он встречается в том же самом начертании не только в седьмой строке, но и ниже, в двенадцатой строке, при чем в последнем случае перевод его ясен. Там ti-ni стоит перед глаголом ma-ni-ni и в переводе значит «для себя сдѣлалъ». Частица ni в глаголе ma-ni-ni указывает на третье лицо «онъ сдѣлалъ», а в существительном и местоимении означает особый придатокъ, характеризующий принадлежность «для». Въ этомъ смыслѣ Н. Я. Марр, ссылаясь на примѣры изъ языковъ мегрельскаго и сванскаго, объясняетъ встречающіеся въ текстѣ въ строке тринадцатой Ru-sa-a-ni и въ строке двенадцатой ti-ni , переводя последнее «для себя»; первое в переводе значитъ «для Русы». Разница въ строкахъ седьмой и двенадцатой заключается только въ томъ, что то же ti-ni сопровождается разными глаголами, въ первомъ случаѣ te-ru-bi , а во второмъ ma-ni-ni , при чемъ ti-ni въ седьмой строке стоитъ послѣ глагола, а въ двенадцатой передъ нимъ. Повидимому, такая разстановка значенія не имѣетъ, а потому, если за одинаковымъ начертаніемъ того же ti-ni сохранилъ то же значеніе, придаваемое ему окончаніемъ ni , означающимъ принадлежность «для», то переводъ текста клинописи Макинской надписи будетъ въ первомъ случаѣ «для себя я докончилъ», а во второмъ «для себя онъ сдѣлалъ».

Впрочемъ, наше заключеніе было бы ошибочно, если бы мы надежное окончаніе царскаго имени въ концѣ Макинской надписи объяснили бы исключительно наличіемъ въ текстѣ слова ti-ni . При параллельномъ изученіи настоящей надписи съ текстами другихъ ванскихъ надписей, мы легко убѣдимся, что имена ихъ авторовъ въ концѣ письменнаго памятника обычно снабжаются тѣмъ же знакомъ ni въ зависимости отъ наличія въ текстѣ

¹ Saucy—«A new Vannic Inscription». То же значеніе придаетъ слову ti-ni В. М. Никольскій. См. Армянская и Сардарабадская надписи въ Мат. по Арх. Кав., в. V, стр. 50, 55.

² «Надпись Русы II изъ Маку», стр. 31-33, 45-46, от. от.

слова *ti-ni*. Это вполне подтверждается сравнениемъ съ опубликованными М. В. Никольскимъ надписями¹, хотя бы съ Каракалинскою надписью. Тутъ поставлено *Ag-gi-ш-ti-ni* съ титуломъ царя и указаніемъ на его мѣстопребываніе въ городѣ Тушпѣ, то есть съ тѣми же дополненіями какъ и въ Макинской надписи, но безъ слова *ti-ni*, что не мѣняетъ, а лишь подтверждаетъ приведенное выше толкованіе: имя царя съ околчаніемъ $\overline{\text{TT}}$ такъ же какъ и отдѣльно взятое *ti-ni*, съ тѣмъ же конечнымъ знакомъ, оба независимо другъ отъ друга, какъ при взаимномъ сочетаніи въ Макинской надписи, такъ и безъ него въ Каракалинской, свидѣлствуютъ объ особо выражаемомъ ими характерѣ принадлежности, отмѣчаемой знакомъ $\overline{\text{TT}}$ и переводимой словомъ «для», или «въ честь», какъ это дѣлаетъ М. В. Никольскій².

Каждый воздвигаемый памятникъ, а равно и сама надпись, имѣютъ цѣлю прославленіе. Они создаются въ честь, для увѣковѣченія можетъ быть даже не столько боговъ, сколько самого царя. Но въ этомъ лишь особый отбѣнокъ рѣчи, такъ какъ царь все же связываетъ себя съ небесными покровителями. Поэтому *ti-ni* въ текстѣ Макинской надписи, въ двѣнадцатой строкѣ, согласуется такъ же какъ и *Ru-sa-a-ni*, не находясь съ нимъ въ неразрывной связи. По сравненію съ другими, упомянутыми выше, надписями, очевидно, что имя царя околчивалось бы на *ni* и въ томъ случаѣ, если бы *ti-ni* вовсе отсутствовало въ данномъ текстѣ.

Отсюда можно придти къ очень заманчивому заключенію: хотѣлось бы въ частицѣ *ni*, присоединенной къ существительному *te* или *ti* «голова», видѣть въ данномъ контекстѣ окончаніе множественности при сохраненіи его прямого значенія принадлежности, что допустимо по примѣрамъ другихъ словообразованій³. Тогда *ti-ni*, но конечно не имя царя *Ru-sa-a-ni*, означало бы принадлежность многимъ лицамъ, и въ седьмой и двѣнадцатой строкахъ Макинской надписи означало бы не только «для Русь», но вообще для всѣхъ упоминаемыхъ лицъ, то есть для боговъ и для царя. Но если въ седьмой строкѣ это легко можетъ имѣть мѣсто, такъ какъ *Ru-sa-a-i* здѣсь поставлено совсѣмъ съ другимъ окончаніемъ и такимъ образомъ оторвано отъ *ti-ni*, то въ двѣнадцатой допускается съ нѣкоторою оговоркою, потому что послѣ *ti-ni* тутъ все же слѣдуетъ лишь одинъ *Rusa*, съ тѣмъ же окончаніемъ на *ni*, предшествующее же ему божественное имя *Arđi-ni* стоитъ особо (*Arđi-ni ka-i*) и случайно заканчивается такимъ же знакомъ $\overline{\text{TT}}$: это

¹ М. В. Никольскій — ц. с.

² См. текстъ надписей, изданныхъ въ ц. с., напримѣръ та же Сардарабадская, гдѣ *Ag-gi-ш-ti-ni* переведено «въ честь Аргишты», Эвлярская, гдѣ *Hal-di-ni-ni* переведено «для халдйцевъ». Ср. ц. с., стр. 27.

³ П. Я. Марръ — «Надпись Сардура II въ Даш-Керпн», стр. 12.

имя имѣсть въ своей основѣ знакъ *m* и безъ падежной прибавки, что явствуетъ изъ одиннадцатой строки, гдѣ начертано то же имя въ Р. падежѣ *Arđi-ni-še*. Въ такомъ случаѣ слово *ti-ni* можетъ имѣть характеръ множественнаго числа лишь при его обособленности, при одинаковомъ съ именемъ царя согласованіи, но не съ нимъ непосредственно, что, какъ мы видѣли, болѣе чѣмъ возможно. Въ двѣнадцатой строкѣ такое толкованіе какъ будто бы подтверждается наличиемъ передъ *ti-ni* слова *me-ku-ši*, переводимаго «для нихъ». Въ этомъ примѣрѣ *ti-ni* подкрѣпляетъ предыдущее слово, съ которымъ выстѣтъ означаетъ «для нихъ» «для себя», подразумевая въ обояхъ тѣхъ же боговъ и царя. Крайне желательно было бы такое же объясненіе примѣнить и къ седьмой строкѣ, такъ какъ странно допустить, чтобы храмъ строился для боговъ и для царя, а водопроводъ, или каналъ, воздвигался бы лишь для одного Русы.

Насколько ясно падежное окончаніе $\text{𐰇𐰪𐰚𐰚} \text{ 𐰇𐰪𐰚} \text{ 𐰚} \text{ 𐰇𐰪}$ *Ru-sa-a-ni* въ тринадцатой строкѣ, настолько же не ясно согласованіе царскаго имени въ седьмой, гдѣ оно закапчивается точно воспроизведеннымъ на снимкѣ надписи знакомъ 𐰇 , а не 𐰚 а не 𐰇𐰪 . Въ седьмой строкѣ отчетливо читается $\text{𐰇𐰪𐰚𐰚} \text{ 𐰇𐰪𐰚} \text{ 𐰚} \text{ 𐰇}$ *Ru-sa-a-1*, съ характернымъ для яфетическихъ языковъ окончаніемъ на 𐰇 въ Р. падежѣ, очевидно требующимъ иного толкованія. Повидимому различіе въ окончаніяхъ царскаго имени въ двухъ мѣстахъ той же надписи объясняется различіемъ согласованія его съ близъ стоящими словами. Въ такомъ случаѣ возможно, что въ тринадцатой строкѣ это имя согласовано такъ же, какъ и предыдущее *ti-ni*, а въ седьмой строкѣ оно согласовано или съ предыдущими глаголами 𐰇𐰪 𐰇𐰪𐰚 𐰇𐰪𐰚 𐰇 𐰇 𐰇 *ši-di-š-tu-bi* и 𐰇 𐰇𐰪𐰚 𐰇 *te-ru-bi*, которые по своей формѣ аориста требуютъ подлежащаго именно въ Р. падежѣ, или съ идеограммою *urbs* 𐰇𐰪𐰚 . Въ первомъ случаѣ нѣкоторое сомнѣніе возбуждаетъ падежное окончаніе *Ru-sa-a-1*, характеризованное звукомъ 𐰇 , такъ какъ въ верхней строкѣ той же Макинской надписи аористъ *ši-di-š-tu-bi* согласованъ съ собою подлежащее *Ru-sa-še* въ Р. падежѣ на 𐰇 , но въ этой строкѣ рѣчь идетъ въ третьемъ лицѣ, такъ какъ глаголь оканчивается на 𐰚 , тогда какъ въ седьмой авторъ надписи говоритъ уже самъ отъ своего имени и глаголы оканчиваются на 𐰚 : *ši-di-š-tu-bi*, *te-ru-bi*. Этимъ можетъ быть и объясняется усѣченная форма Р. падежа на 𐰇 въ седьмой строкѣ.

Во второмъ случаѣ, при согласованіи съ идеограммою *urbs*, царское имя должно было бы заканчиваться на тотъ же гласный характеръ Р. падежа, на 𐰚 , которое имѣетъ названіе города Тушпы въ шестнадцатой строкѣ, несомнѣнно согласованное съ идеограммою. Слово Тушпа, *Tu-š-ru-a-e*, поставлено въ шестнадцатой строкѣ въ Р. падежѣ съ обычнымъ для

такого сочетанія словъ гласнымъ характеромъ этого падежа именно на е $\text{u} \text{r} \text{s} \text{a} \text{a} \text{a} \text{1}$ $\text{u} \text{r} \text{s} \text{a} \text{a} \text{a} \text{1}$ $\text{u} \text{r} \text{s} \text{a} \text{a} \text{a} \text{1}$. Слѣдовательно и Руca въ седьмой строкѣ $\text{u} \text{r} \text{s} \text{a} \text{a} \text{a} \text{1}$ $\text{u} \text{r} \text{s} \text{a} \text{a} \text{a} \text{1}$ $\text{u} \text{r} \text{s} \text{a} \text{a} \text{a} \text{1}$ долженъ былъ бы, при согласованіи его съ такою же какъ и въ шестнадцатой строкѣ идеограммою $\text{u} \text{r} \text{s} \text{a} \text{a} \text{a} \text{1}$ $\text{u} \text{r} \text{s} \text{a} \text{a} \text{a} \text{1}$ $\text{u} \text{r} \text{s} \text{a} \text{a} \text{a} \text{1}$ ирbs, имѣть въ концѣ такое же падежное окончаніе, какое имѣетъ приведенное выше Ту-иш-ра-а-е, то есть $\text{u} \text{r} \text{s} \text{a} \text{a} \text{a} \text{1}$ e, а не $\text{u} \text{r} \text{s} \text{a} \text{a} \text{a} \text{1}$ 1, въ связи съ чѣмъ и должно было бы писаться $\text{u} \text{r} \text{s} \text{a} \text{a} \text{a} \text{1}$ $\text{u} \text{r} \text{s} \text{a} \text{a} \text{a} \text{1}$ $\text{u} \text{r} \text{s} \text{a} \text{a} \text{a} \text{1}$ Ru-sa-a-e, а не $\text{u} \text{r} \text{s} \text{a} \text{a} \text{a} \text{1}$ $\text{u} \text{r} \text{s} \text{a} \text{a} \text{a} \text{1}$ $\text{u} \text{r} \text{s} \text{a} \text{a} \text{a} \text{1}$ $\text{u} \text{r} \text{s} \text{a} \text{a} \text{a} \text{1}$. Впрочемъ подобное однообразіе при согласованіи словъ въ сходныхъ по построенію фразахъ не можетъ быть навязано халдскимъ авторамъ. Намъ лишь хотѣлось бы видѣть у нихъ сознательную послѣдовательность при соблюденіи одинаковыхъ формъ въ одномъ и томъ же текстѣ; по общаго грамматическаго правила, требующаго послѣ детерминатива постановки собственного имени въ Р. падежѣ на е, пѣть и, какъ сейчасъ мы увидимъ, означенное окончаніе въ названіяхъ городовъ послѣ детерминатива вовсе не обязательно.

Правильность такого толкованія, съ одной стороны, подтверждается примѣромъ Зовартноцкой надписи, гдѣ названіе «Туппа» согласовано съ детерминативомъ ирbs, и поставлено съ гласнымъ окончаніемъ Р. падежа на е: ирbs Ту-иш-ра-е ра-та-гі, съ другой стороны не подтверждается примѣрами Галаджинской и Даш-Керпинской надписей, въ которыхъ послѣ того же знака $\text{u} \text{r} \text{s} \text{a} \text{a} \text{a} \text{1}$ $\text{u} \text{r} \text{s} \text{a} \text{a} \text{a} \text{1}$ стоитъ названіе города безъ такой согласовки: ирbs Іг-да-п-и-п, городъ Ирданіупи, и ирbs Ма-ка-ал-ту-и-п, городъ Макалтуни¹. Значитъ, терминъ городъ въ халдской рѣчи не всегда требуетъ согласованія съ собою въ формѣ Р. падежа на е, но допускаетъ и другія падежныя окончанія, а можетъ быть и разные падежи въ зависимости отъ построенія всей фразы. Въ такомъ случаѣ Ru-sa-a-1 можетъ оказаться Р. падежомъ при идеограммѣ ирbs, что въ переводѣ на русскій языкъ дастъ «Русы городъ малый». Къ тому же слѣдуетъ замѣтить, что слово Руca безусловно является собственнымъ именемъ царя, а не названіемъ города: это явствуетъ изъ поставленнаго передъ нимъ детерминатива, вполне схожаго съ детерминативами передъ царскими именами той же надписи. Слѣдовательно, при такомъ толкованіи, мы имѣемъ не городъ Русу, а городъ царя Русы, то есть принадлежащій ему, быть можетъ, какъ владѣльцу вообще всего Ванскаго государства.

¹ П. Я. Марръ — «Надпись Сардура II въ Даш-Керпи», стр. 28; «Надпись Русы II изъ Маку», стр. 28, от. от.; М. В. Никольскій — Галаджинская надпись, ц. с., стр. 89; В. С. Голенищевъ — «Надпись древне-ванскаго царя Русы II», ЗВО, т. XIII, стр. 091. Разнообразіе падежныхъ окончаній, напримѣръ въ Р. падежѣ, а съ другой стороны совпаденіе одинаковыхъ въ разныхъ падежахъ, указываютъ на то, что самое представленіе о падежахъ у насъ не соответствуетъ конструкціи халдской грамматики.

хитектурныя заданія и это вполне естественно, такъ какъ глаголь, основную часть котораго составляетъ предлогъ *шд1*, болѣе всего подходитъ къ труду надъ архитектурными строеніями. Въ такомъ смыслѣ онъ и употребленъ въ началѣ текста Макинской надписи: *d Qal-di-e idn i-ni tmlr d Ru-sa she d Ar-gish-te-qi-ni-she sh-di-sh-tu-ni*, что въ русскомъ переводѣ можетъ означать: «бога Халда милостью этотъ храмъ д Руса д Аргиштел сыпъ воздвигъ». Въ томъ же значеніи воздвиженія постройки можетъ быть понятъ глаголь *ш-д1-ш-tu-b1* и въ шестой строкѣ: «я воздвигъ»; тогда предшествующее слово 𐎧𐎢𐎽 𐎠𐎢𐎡𐎴 и-г1, образованное отъ корня г «ходить», и какъ «вода» *иг-1*, скорѣе могло бы означать послѣднее, предполагая строеніе для воды, въ данномъ случаѣ водопроводъ, такъ какъ дорога не могла быть архитектурной постройкой, тогда какъ каналъ и водопроводъ имѣли именно эти формы. На возможность подобнаго толкованія термина *иг1* указываетъ седьмая строка Сардарабадской надписи, гдѣ, въ связи съ такимъ терминомъ, говорится про рѣку Ману. Казалось бы, что здѣсь идетъ рѣчь именно о проводкѣ воды каналомъ, или какимъ либо инымъ сложнымъ сооруженіемъ, такъ какъ въ самомъ текстѣ упоминаются прочныя строенія изъ камня¹.

Н. Я. Марръ, въ личной бесѣдѣ, далъ мнѣ крайне цѣнныя указанія, подтверждающія основательность перевода *и-г1* словомъ «вода». Н. Я. Марръ устанавливаетъ наличие термина *иг1* какъ разъ въ этомъ значеніи въ языкѣ баскскомъ, по словообразованіямъ родственномъ месхскому. Въ такомъ случаѣ и пятый знакъ первой строки 𐎠𐎢𐎡𐎴 можетъ быть толкуемъ какъ «милость», а не «господинъ» или «владыка», тѣмъ болѣе, что означенный знакъ, по утверженію Н. Я. Марра, въ «нашей (то есть Макинской) надписи» появляется въ такомъ сочетаніи, въ какомъ въ иныхъ надписяхъ стоитъ фонетически написанное слово *иг-1* (Р.: *иг-1-е*), съ префиксомъ *е-иг1* (Р.: *enig1*)... слѣдовательно, каково бы ни было идеографическое значеніе начертанія 𐎠𐎢𐎡𐎴 , за словомъ *иг1* не можемъ въ параллельномъ чтеніи не признать значенія „милость“ (← вода), оправдываемаго и иероглифическимъ языкознаніемъ и контекстомъ².

При указанномъ объясненіи, начало Макинской надписи будетъ гласить «Бога Халда милостью этотъ храмъ Руса, сынъ Аргиштеля, воздвигъ.» Таковой текстъ вполне соответствуетъ концу надписи, гдѣ сказано, что строительныя работы произведены не для одного бога Халда, а «для нихъ», то есть для упомянутыхъ въ одиннадцатой строкѣ боговъ Халда, Теншбы, Ар-

¹ Ц. с., стр. 55.

² Н. Я. Марръ — «Надпись Русы II изъ Маку», стр. 10, от. от., и «Изъ поѣздокъ въ Сванію», Хр. Вост., II, стр. 28-29.

дини и многихъ другихъ. Такимъ образомъ, храмъ не могъ быть воздвигнутъ лишь для Халда, и начало надписи «богу Халду владыкѣ этотъ храмъ воздвигъ» не согласуется съ концомъ ея, тогда какъ текстъ: «бога Халда милостью этотъ храмъ воздвигъ» вполне отвѣчаетъ всему смыслу обращенія царя Русы.

Исслѣдованіе баскскаго языка, къ которому приступаетъ въ настоящее время Н. Я. Марръ, помимо цѣннѣйшаго указанія на принадлежность этого языка къ семьѣ яфетическихъ, даетъ полное подтвержденіе многимъ теоретическимъ выводамъ, дѣлаемымъ на основаніи матеріаловъ по сравнительному изученію кавказскихъ языковъ. Въ частности, объясненіе слова игъ въ значеніи «вода» приведено Н. Я. Марромъ по теоретическимъ заключеніямъ, и теперь правильность всѣхъ такихъ научныхъ, но все же строительныхъ для языкознанія, выводовъ вполне подтверждается реальнымъ примѣромъ изъ баскскаго языка.

Наличіе рядомъ двухъ глаголовъ ши-di-ш-tu-bi и te-gu-bi, относящихся къ одному и тому же строенію, можетъ получить свое объясненіе: оба они не замѣняютъ другъ друга, не являются повтореніемъ, потому что первый изъ нихъ содержитъ въ себѣ характеръ дѣящагося дѣйствія «воздвигать», а второй заканчиваемаго «доводить до конца», здѣсь въ вольномъ переводѣ «достраивать». Форма аориста въ первомъ глаголѣ придаетъ ему въ нашемъ представленіи то же значеніе законченнаго дѣйствія, но, очевидно, яфетидъ временъ царствованія Русы чувствовалъ различіе во внутреннемъ смыслѣ обоихъ словъ и помѣстилъ ихъ умышленно, дополняя вторымъ первое, что и дало помѣщенную въ нашей надписи фразу: «я воздвигъ достроилъ», собственно «докончилъ» «довелъ до конца».

Для кого производилась вся эта работа? Для боговъ и для царя. Такъ объясняетъ самъ Руса въ концѣ своей надписи. Все сдѣлано для божественной троицы Халда, Теишбы, Солнца (Ардини), многихъ другихъ боговъ и для царя, очевидно какъ ихъ ближайшаго сподвижника на землѣ, поэтому въ седьмой строкѣ надписи помѣщено то же ti-pi, то есть «для себя» «для нихъ всѣхъ».

Въ этомъ смыслѣ и высказался царь Руса, сынъ Аргиштія, въ своемъ обращеніи, начинающемся съ четвертой строки Макинской надписи: «алтарь бога сдѣлавъ и его поставивъ, сверхъ того водопроводъ (каналъ), какъ богъ Халдъ велѣніе изрекъ, такъ воздвигъ достроилъ (буквально докончилъ) для себя (для нихъ, то есть и для боговъ) я Руса въ городъ малый || или въ Русы городъ малый», то есть въ то поселеніе, гдѣ былъ для халдскихъ боговъ и въ прославленіе властителя сооруженъ храмъ.

Наконецъ, какъ возможный вариантъ перевода того же мѣста Макпи-

ской надписи, укажемъ на нѣсколько иную согласовку словъ, взявъ параллельный текстъ двухъ надписей: Сардарабадской и нашей,

Сардарабадская надпись. стк. 6: *ki-u-ra-a-ni ku-ul-di-ni ma-a-nu*

стк. 7: *u-i gi-i sh-ti-ni sh-da u-ri*

Макинская надпись. стк. 4: *kar-bi sal-ši ma-nu u-i gi e-i*

стк. 5: *sh-ti-ni sh-da u-ri*

Главные предложенія слѣдуютъ далѣе: въ Сардарабадской надписи имъ будетъ: «отъ рѣки Ману... я вывелъ»¹, а въ Макинской: «воздвигъ, построилъ для насъ (ti-ni) я Руса въ городъ малый || въ Русы городъ малый». Приведенныя выше строки содержатъ придаточныя предложенія съ безличною аористно-причастною глагольною формою на *u* въ одномъ случаѣ и на *i* въ другомъ. Такими глаголами въ обѣихъ надписяхъ являются: *ma-a-nu* (*ma-nu*) отъ основы *man* «строить» «дѣлать» и *gi-i* (*gi*) отъ корня *g* «вести» «проводить»². Слово *u-ri* уже разобрано выше, остаются еще два слова, одинаковыя по начертанію и въ той и въ другой надписяхъ: *sh-ti-ni* и *sh-da*. Первое значить «потомъ» «затѣмъ», второе «сверхъ», при чемъ эти два слова можно было бы не соединять въ одно цѣлое: потомъ + сверхъ, что даетъ «сверхъ того». Эти два слова вовсе не такъ тѣсно связаны другъ съ другомъ, чтобы въ данномъ построеніи означать одно понятіе. Въ Каракалинской надписи, гдѣ конструкція фразы примѣрно такая же, *sh-ti-ni* сопутствуется иными словами: *u-i a-i-ni-i sh-ti-ni a-i u-ri*. То же самое и въ Зовартноцкой надписи: *u-i gi e-i sh-ti-ni ma-nu (u)-ri*. Отсюда я дѣлаю выводъ, что интересующій насъ терминъ можетъ быть понимаемъ въ буквальномъ его смыслѣ «потомъ», и тогда оторванное отъ него *sh-da* сохранить также свое прямое значеніе «сверхъ», а весь переводъ получить уже не тотъ характеръ, который ему дается до сего времени, и даже *u-ri* можно сохранить въ чистомъ его видѣ, безъ отождествленія съ предназначаемою для него постройкою, безъ замѣны его настоящаго смысла «вода» нѣсколько произвольнымъ «водопроводъ».

Термины *u-i* и *e-i* въ Макинской надписи не поддаются точному объясненію. Н. Я. Марръ усматриваетъ въ нихъ частицу, союзъ или мѣстоименный элементъ. Переводъ первыхъ двухъ словъ я заимствую у Н. Я. Марра и у М. В. Никольскаго безъ повторенія ихъ толкованій³.

Цитованное мѣсто Сардарабадской надписи, при переводѣ, прекрасно дѣлится по строкамъ:

¹ Ср. Н. Я. Марръ — «Надпись Русы II изъ Маку», стр. 25.

² Тамъ же, стр. 22, 23 и 27.

³ Н. Я. Марръ, ц. с., стр. 27; М. В. Никольскій, ц. с., стр. 55 и 58.

стѣны крѣпкія сдѣлавъ,
 ... проведя затѣмъ сверхъ воду (отъ рѣки Ману... я вывелъ)

Макинская надпись соединяетъ обѣ строки:

алтарь бога сдѣлавъ, ... проведя ...
 затѣмъ сверхъ воду, (воздвигъ достроплъ для насъ я Руса въ го-
 родъ малый || въ Русы городъ малый)

Здѣсь уже получается полное представленіе о той сложной архитек-
 турной работѣ, которая передавала воду надземною постройкою.

Настоящую мою замѣтку окончу краткимъ упоминаніемъ о трехъ
 главныхъ божествахъ, очевидно виднѣйшихъ покровителяхъ ванскаго на-
 рода: только оны поименно названы въ Макинской надписи. Первымъ по-
 ставленъ богъ Халдъ. Это, вѣдь сомнѣнія, національное божество халдскаго
 народа. Второе мѣсто занялъ Теишба, то есть тотъ «владыка вишапъ»,
 изображенія котораго въ образѣ чудовищной рыбы найдены въ предѣлахъ
 Эриванской губерніи. Каменные вишапы являются интереснѣйшимъ образ-
 цомъ вышшняго изображенія, несомнѣнно уже отживающаго свой вѣкъ,
 натуралистическаго божества. Н. Я. Марръ говоритъ, что, по словообра-
 зованію, Теишба чуждъ халдской почвы, онъ принесенъ сюда изъ другихъ
 странъ. Если это такъ, то все же онъ принесенъ не изъ странъ семитиче-
 скихъ, не изъ Ассиріи, ближайшаго культурнаго сосѣда Вана, имѣвшаго
 на него сильное вліяніе, такъ какъ по своему имени этотъ богъ типиченъ
 для яфетическихъ народовъ.

Первую составную часть слова Теишба составляетъ *te* || *ti* «голова»,
 или, съ выпаденіемъ гласнаго, «глава», отсюда «властелинъ» «владыка».
 Окончаніе второй части: *ba* скорѣе всего указываетъ на Эламъ, гдѣ пока-
 затель множественности имѣетъ звонкій характеръ *pa* || *ba*, или, съ пере-
 становкою гласнаго звука, *ar* || *ab*. Съ такимъ окончаніемъ мы имѣемъ
 эламское образованіе *ш-ba* ← *ш-ba*. Но это не исключительно эламское
 слово, его же мы встрѣчаемъ у другихъ народовъ, сохранившихъ въ своей
 рѣчи яфетическія основы, напримѣръ у армялъ *ш-ар*, въ древне литера-
 турной разновидности *вш-ар*, у грузинъ *веш-ар*. При такихъ условіяхъ,
 сознавая несомнѣнность принадлежности эламскаго языка къ семьѣ яфети-
 ческихъ и встрѣчаясь, въ то же время, съ чисто яфетическимъ словообра-
 зованіемъ въ наименованіи бога, мы неизбѣжно признаемъ въ немъ, уже
 по одному его имени и широкому распространенію въ предѣлахъ яфети-
 ческаго міра, божество не узко національное, а божество расовое, соста-
 вляющее собственность яфетической семьи народовъ, и, при томъ, божество
 не астральное.

Исследователи древних Суз де-Морганъ, Потье и сочлены ихъ по научной экспедиціи въ Персіи неоднократно указываютъ на то, что стилизація рисунка на эламской керамикѣ свидѣтельствуетъ о сохранившемся въ искусствѣ пережиткѣ, уже вымершаго въ культѣ, обоготворенія природы. Божество перестало жить на землѣ и переселилось на небо, обратившись изъ натуралистическаго въ астральное. Живыя существа стали лишь слугами боговъ. Тѣмъ болѣе интересно для насъ наличіе, еще въ VII вѣкѣ до Р. Х., Теишбы-Вишапа, къ тому же въ единеніи съ чисто астральнымъ халдскимъ богомъ Арди или Ардини (богомъ Солнце). Такое единеніе тоже характерно для яфетическаго міровоззрѣнія, которое связало небо съ землею: то и другое отождествляется съ желѣзомъ, и при томъ не только въ мнѣѣ, но и въ самомъ названіи егкп и егкпг: первое означаетъ небо, а второе землю. Тутъ мы останавливаемся передъ еще мало изслѣдованною областью яфетическаго культа.

И. Мѣщаниновъ.